

УДК 94(495).04

И. Е. Головки,

факультет истории, философии и права,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Г. А. Синельникова

Репрезентация мусульманских народов в «Истории ромеев» Никифора Григоры

Аннотация. В статье на основе анализа текстов «Истории ромеев», написанных Никифором Григорой в середине XIV в., выявляется репрезентация мусульманских народов (турки Конийского султаната, персы, арабы Сирии и Египта); определяется, что их репрезентация у Никифора Григоры имеет прагматический, а не ценностный характер.

Ключевые слова: Никифор Григора, «История ромеев», византийская историография, историческая репрезентация, конийские турки, персы, арабы.

Труд Никифора Григоры «История ромеев» на русский язык долгое время был переведен не полностью: более 150 лет переведенными оставались только 11 из 37 книг. Полный перевод «Истории ромеев» был закончен в 2016 г., что актуализировало внимание исследователей к наследию византийского историка, сделало возможным его всестороннее изучение. Представляется, что на начальном этапе осмысления данного источника следует сконцентрироваться на выявлении авторской репрезентации тех или иных сюжетов. В этой связи представляет интерес выявление особенностей репрезентации Никифором Григорой мусульманских народов, проживавших на востоке от Византии и взаимодействовавших с ней в XIII–XIV вв.

Историческая репрезентация понимается нами как трансляция данных, которые были осмыслены автором, проходя сквозь призму его восприятия, трансформировались и на выходе стали его отражением тех событий, процессов и явлений, о которых он повествует. Это отражение отличается известной недостаточностью, ведь индивид воспринимает и интерпретирует исторические события индивидуально, сформировавшиеся персональные конструкты детерминируют процесс социокультурного взаимодействия [3, с. 26].

Наиболее часто в своем труде Никифор Григора обращается к описанию деятельности турок Конийского султаната. Говоря о создаваемом историческом образе турок, проживавших восточнее границ ромейского государства, стоит обратить внимание на следующее: Никифор Григора сообщает, что скифы (так в его труде именуется представителей монгольской империи) всё сильнее стеснили турок на востоке, что стало причиной усиления

набегов турок на приграничные территории ромеев, а затем и вовсе привело к их вторжению в Пафлагонию. Никифор Григора пытается показать враждебность и бесконтрольную агрессию турок против ромеев: «И чем слабее они становились сравнительно со скифами, тем мужественнее делались пред ромеями, так что нападение скифов послужило для них не причиной несчастий, но, напротив, доставило им большую удачу» [1, с. 111].

В «Истории ромеев» мы встречаем репрезентацию, связанную с метафорами: Никифор Григора называет распределение ромейских земель между турецкими сатрапами делением «по жребию» [1, с. 165]. О том, что данная фраза в «Истории ромеев» является образом, можно судить уже по тому, что Никифор Григора не мог знать такого факта как точного, ибо никогда не бывал в Конийском султанате и не имел тесных связей с представителями турецкого мира. Образ этот очень тонко отсылает читателя к Новозаветной сцене раздела одежд Иисуса Христа его мучителями. Византийский историк успешно использует образы для формирования у читателя «правильного» взгляда на турок Конийского султаната, что не удивительно, учитывая уровень образованности и искусности в риторике Никифора Григоры.

В отдельных случаях Григора не сопровождает репрезентацию собственными комментариями, умело преподнося говорящий сам за себя факт. Так было с Меликом, который, по свидетельству историка, принял христианство, а затем «...отступив от правил и законов благочестия, перешел на сторону врагов ромеев...» [1, с. 196]. Так Григора использует неявную (скрытую) репрезентацию без посторонних комментариев.

Автор «Истории ромеев» прошелся и по персам с обличительной речью. О персидском войске Никифор Григора пишет, что в обращении с пленными они были жестоки: «...особенно когда варвары (персы) приводили их (пленников) гуртом, связанных цепями за шею друг с другом, к городским воротам на продажу и наносили им частые удары кнутом, ранив до крови» [2, с. 162]. Таким образом, Никифор Григора часто дает негативную оценку восточным соседям Византии, тесно взаимодействовавшим с ромеями (конийским туркам и персам).

В «Истории ромеев» Никифор Григора в меньшей степени занимался рассмотрением других мусульманских народов, таких как арабы Египта и Сирии. Говоря о том, что египтяне стали в процессе торговли с европейскими скифами набирать себе наемное войско скифов, Никифор Григора характеризует египетских арабов так: «...не больно хороши в военном деле, чтобы не сказать — в высшей степени трусливы и изнежены» [1, с. 83]; «...арабами — а это народ иноплеменный и исполненный высокомерия» [1, с. 85]. И на этом репрезентация арабов в «Истории ромеев» почти полностью заканчивается. Заметно, что народу, проживающему географически и геополитически далеко от Византии, византийский эрудит легко навешивает уничижительный ярлык. Очевидно, что для Никифора Григоры народы, которые не тревожат ромеев набегами, малоинтересны, а потому их характеристика краткая и даже носит снисходительный характер надменного ромейского обозревателя.

В двенадцатой книге «Истории ромеев» Никифор Григора придает персидскому полководцу Умуру (1309–1348) очень лестные черты друга Иоанна Кантакузина (1292–1383), верного этой дружбе до самого конца своей жизни [2, с. 24]. Тут как

раз можно заметить, как Никифор Григора позитивно репрезентирует представителя мусульманского мира. Так же позитивно показывал он и некоторых турок за то, что они оставили осаду Филадельфии на милость византийского полководца Алексея Филантропина: историк поспешил наделить их образы честью, благородством, разумностью и расчетливостью [1, с. 278]. На этих примерах заметно, что тем мусульманам, которые оказываются дружелюбно настроенными к ромеям или полезными им, автор очень прагматично дает позитивную оценку.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что репрезентация мусульманских народов в большинстве своем имеет негативную коннотацию. Качества, присущие мусульманам, Никифором Григорой старательно принижаются, дабы на фоне коварных, жестоких, а порой жалких мусульман сами ромеи выглядели более величественно. Позитивная репрезентация мусульманских народов у Григоры в «Истории ромеев» появляется только тогда, когда они демонстрируют наличие взаимного позитивного отношения к ромеям. Иными словами, похвалы Григоры заслуживают только мусульмане, полезные государству ромеев.

З. А. Чеканцева утверждает, что на историческую репрезентацию определяющее влияние оказывает авторская система ценностей [4, с. 8]. Исходя из этого, можно предположить, что отношение к мусульманам должно детерминироваться персональной системой ценностей самого Никифора Григоры как христианина. Однако для Никифора Григоры существенно более важной оказывается прагматическая оценка мусульман. Очевидно, что этот факт нуждается в дальнейшем осмыслении, что, в свою очередь, открывает новые перспективы в исследовании исторической репрезентации в трудах Никифора Григоры.

1. *Григора Н.* История ромеев : соч. в 3 т. / пер. с греч. Р. В. Яшунского, вступ. сл. Л. Герд. — СПб. : Свое издательство, 2013. — Т. 1 — 438 с.

2. *Григора Н.* История ромеев : соч. в 3 т. / пер. с греч. Р. В. Яшунского. — СПб. : Квадриум, 2014. — Т. 2. — 496 с.

3. *Мерзлякова И. Л., Кошман М. В., Каирова И. А.* Исторические репрезентации как способ преодоления дискретности исторического сознания // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2021. — № 4. — С. 23–30.

4. *Чеканцева З. А.* «История репрезентаций» по-французски и обновление историописания // Диалог со временем. — 2020. — Вып. 72. — С. 8–22.